Краски Преображения В «Лете Господнем»

Преображение Господне

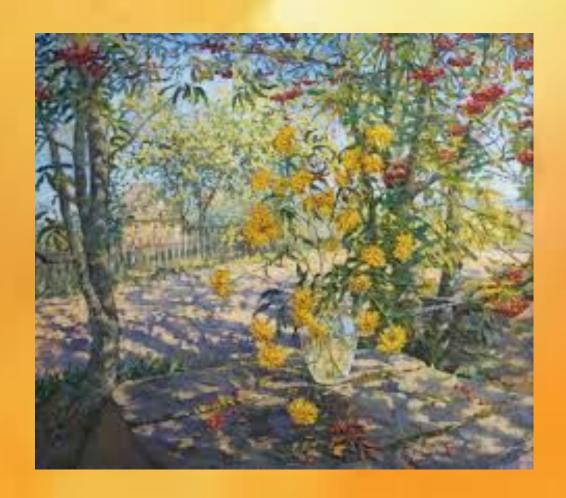
19 августа мы отмечаем праздник Преображения Господня. Господь, Иисус Христос, говорил своим ученикам о том, что некоторые из них еще при жизни увидят Царство Небесное пришедшее в силе. И вот Он восходит на гору Фавор, взяв с собой апостолов Петра, Иакова и Иоанна, и преображается перед ними. Лицо и вся одежда Спасителя стали белыми как снег. Господь воссиял своим Божественным Ликом, приоткрыв перед апостолами Славу своего Божества. Древние пророки Моисей и Илия явились на горе Фавор и беседовали со Христом о том, что Ему предстоит пережить.

Но не только свет, и видение повлияло на апостолов, но и то внутреннее чувство радости от Благодати, которое было выше любых слов и описаний. Это чувство восторга как то неуклюже выразил апостол Петр сказав; «Господи давай сделаем здесь три палатки, тебе, Моисею и Илии, и останемся здесь навсегда». Понять Петра можно, он был опьянен божественной Благодатью

Юрий Берг

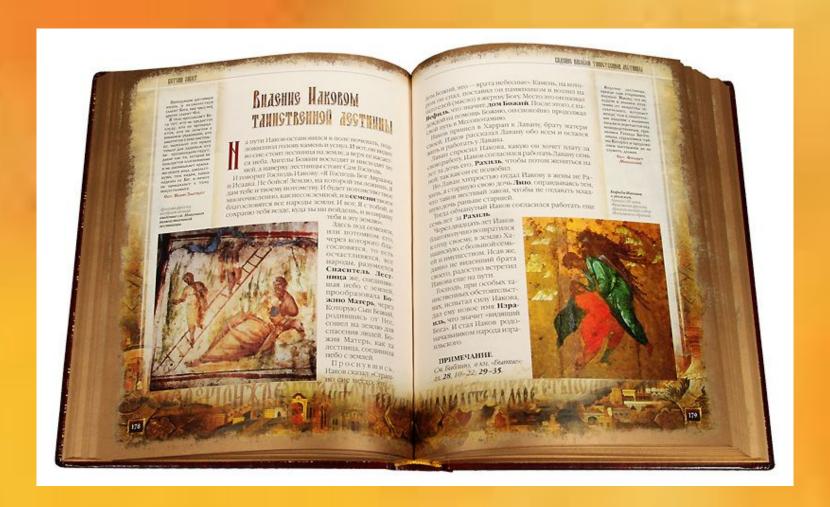
• Август

У немцев август раньше назывался месяцем жатвы (Erntemonat) Август выцвел, бродит между сосен, Птицы в стаи начали сбиваться, Им пора в дорогу собираться – Скоро задождит старуха-осень. Закричат печально на рассвете, Будто бы на век уже прощаясь,

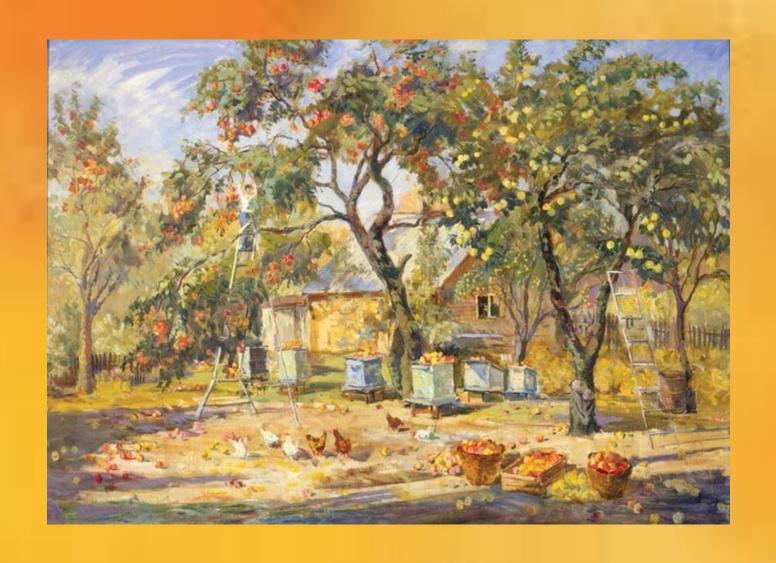
Все у нас говорят, что главное – Закон Божий хорошо знать. Я его хорошо знаю, даже что на какой странице, но все-таки очень страшно, так страшно, что даже дух захватывает, как только вспомнишь.

Три Спаса. Первый Спас, – медовый Спас, Крест выносят. Значит, лету конец, мед можно выламывать, пчела не обижается... уж пошабашила. Второй Спас, – яблошный, Спас-Преображение, яблоки кропят. А почему? А вот. Адам-Ева согрешили, змей их яблоком обманул, а не велено было, от греха! А Христос восшел на гору и освятил. С того и стали остерегаться. А как окроплено, то безо вреда. А третий Спас называется орешный, орехи поспели, после Успенья. У нас в селе крестный ход, икону Спаса носят, и все орехи грызут. Бывало, батюшке насбираем мешок орехов, а он нам лапши молочной – для розговин. Вот ты им и скажи, и возьмут в училищу.

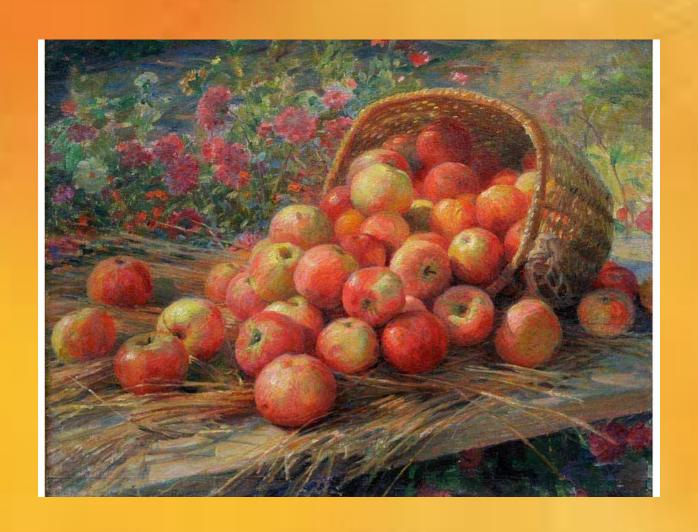
Преображение Господне... Ласковый, тихий свет от него в душе – доныне. Должно быть, от утреннего сада, от светлого голубого неба, от ворохов соломы, от яблочков грушовки, хоронящихся в зелени, в которой уже желтеют отдельные листочки, – зелено-золотистый, мягкий. Ясный, голубоватый день, не жарко, август.

Подсолнухи уже переросли заборы и выглядывают на улицу – не идет ли уж крестный ход? Скоро их шапки срежут и понесут под пенье на золотых хоругвях.

Вот что, Горкин... Возьмешь на Болоте у Крапивкина яблок мер пять-шесть, для прихожан и ребятам нашим, «бели», что ли... да наблюдных, для освящения, покрасовитей, меру. Для причта еще меры две, почище каких. Протодьякону особо пошлем меру апортовых, покрупней он любит.

После обеда трясем грушовку.

• В саду необыкновенно светло, золотисто: лето сухое, деревья поредели и подсохли, много подсолнухов по забору, кисло трещат кузнечики, и кажется, что и от этого треска исходит свет – золотистый, жаркий. Разросшаяся крапива и лопухи еще густеют сочно, и только под ними хмуро; а обдерганные кусты смородины так и блестят от света. Блестят и яблони – глянцем ветвей и листьев, матовым лоском яблок, и вишни, совсем сквозные, залитые янтарным клеем.

Зажмуришься и вдыхаешь такая радость! Такая свежесть, вливающаяся тонко-тонко, такая душистая сладостькрепость - со всеми запахами согревшегося сада, замятой травы, растревоженных теплых кустов черной смородины. Нежаркое уже солнце и нежное голубое небо, сияющее в ветвях, на яблочках...

И теперь еще, не в родной стране, когда встретишь невидное яблочко, похожее на грушовку запахом, зажмешь в ладони, зажмуришься – и в сладковатом и сочном духе вспомнится, как живое, – маленький сад, когда-то казавшийся огромным, лучший из всех садов, какие ни есть на свете, теперь без следа пропавший... с березками и рябиной, с яблоньками, с кустиками малины, черной, белой и красной смородины, крыжовника виноградного, с пышными лопухами и крапивой, далекий сад... - до погнутых гвоздей забора, до трещинки на вишне с затеками слюдяного блеска, с капельками янтарно-малинового клея, – все, до последнего яблочка верхушки за золотым листочком, горящим, как золотое стеклышко!..

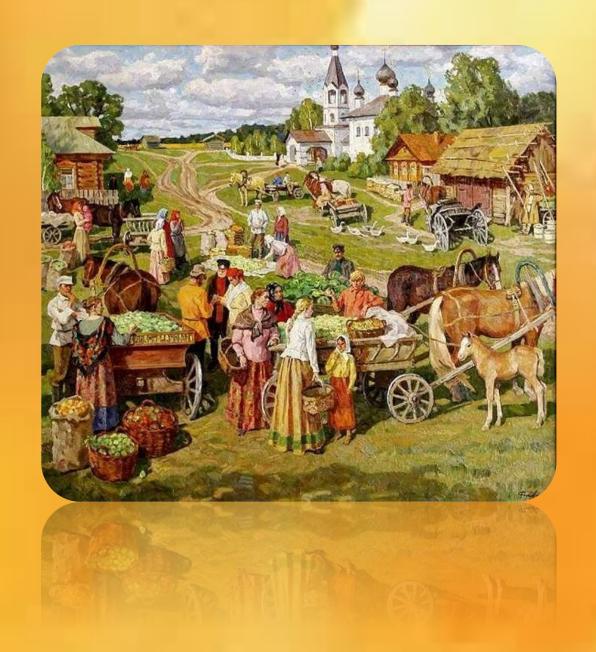
Мы сидим в замятой траве; пахнет последним летом, сухою горечью, яблочным свежим духом; блестят паутинки на крапиве, льются-дрожат на яблоньках. Кажется мне, что дрожат они от сухого треска кузнечиков. - Осенние-то песни!.. - говорит Горкин грустно. - Про-щай, лето. Подошли Спасы – готовь запасы. У нас ласточки, бывало, на отлете...

Едем по пустынной Якиманке, мимо розовой церкви Ивана Воина, мимо виднеющейся в переулке белой – Спаса-в-Наливках, мимо желтеющего в низочке Марона, мимо краснеющего далеко, за Полянским рынком, Григория Неокесарийского. И везде крестимся.

Далеко слышен сладкий и острый дух, золотится везде соломкой. Лежат на земле рогожи, зеленые холмики арбузов, на соломе разноцветные кучки яблока. Голубятся стайками голубки. Куда ни гляди – рогожа да солома...

Наконец подымаются от чая и идут к яблокам. Крапивкин указывает сорта: вот белый налив - «если глядеть на солнышко, как фонарик!» - вот ананасное-царское, красное, как кумач, вот анисовое монастырское, вот титовка, аркад, боровинка, скрыжапель, коричневое, восковое, бель, ростовка-сладкая, горьковка.

Пора домой, скоро ко всенощной. Солнце уже косится. Вдали золотеет темно выдвинувшийся над крышами купол Иван-Великого. Окна домов блистают нестерпимо, и от этого блеска, кажется, текут золотые речки, плавятся здесь, на площади, в соломе. Все нестерпимо блещет, и в блеске играют яблочки.

Праздник Преображения Господня. Золотое и голубое утро, в холодочке. В церкви – не протолкаться. ...И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает об яблоках: Ему-то и принесли их – посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «Ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки!» И будут есть уже совсем другие, не покупные, а церковные яблоки, святые. Это и есть – Преображение.

Священники и дьякон в необыкновенных ризах, которые называются «яблочные», так говорит мне Горкин. Конечно, яблочные! По зеленой и голубой парче, если вглядеться сбоку, золотятся в листьях крупные яблоки, и груши, и виноград, – зеленое, золотое, голубое: отливает. Когда из купола попадает солнечный луч на ризы, яблоки и груши оживают и становятся пышными, будто они навешаны. Священники освящают воду. Потом старший, в лиловой камилавке, читает над нашими яблоками из Курска молитву о плодах и винограде – необыкновенную, веселую молитву – и начинает окроплять яблоки. Так встряхивает кистью, что летят брызги, как серебро, сверкают и тут, и там, отдельно кропит корзины для прихода, потом узелки, корзиночки... Идут ко кресту.

